

Сирил спокойно произнес:

— Ты собираешься лично убеждать его, пока он не согласится? Смелая идея.

Он продолжил:

— Сколько раз ты уже проиграл?

Маркас молчал.

— После того, как он узнал о твоих намерениях, он спокойно сел и внимательно выслушал тебя?

Зубы были сжаты так сильно, что раздался скрип.

Последний удар:

— Ты думаешь, что твоя настойчивость его тронет?

Медвежонок выглядел так, будто готов был перевернуть стол.

Он резко поднял голову, словно хотел что-то сказать, но, увидев глаза Сирила, внезапно замолчал. ... На мгновение ему показалось, что в этих глазах был взгляд, полный терпимости, почти нежности — нет, не нежности — когда он остановился, чтобы взглянуть, он увидел только холодный, безжизненный свет, застывший в глубине его спокойных глаз, прекрасный, как всегда, но лишенный тепла.

Лицо, покрасневшее от волнения, постепенно, постепенно побледнело.

— Господин! — Джеффри наконец не выдержал и прервал его. Эти несколько фраз разрушили все наивные и самоуверенные представления, и он боялся, что удар этот мог полностью разрушить гордость и самоуважение Маркаса... хотя он и сам был подавлен.

После долгого молчания Сирил медленно произнес:

— Подготовь материалы, подробные материалы. Твой анализ ситуации, твои соображения по развитию и перспективам «Симпсона», собери информацию о Джонсе, обсуди, с каких позиций можно его заинтересовать. В процессе подготовки я хочу, чтобы ты собрал свою команду, техническую или интеллектуальную, но это должна быть твоя команда. Затем Джонс сядет перед тобой, и тебе нужно будет его убедить.

— Мне не нужна твоя помощь! — Маркас резко встал, яростно глядя на него. Подавленные эмоции вырвались наружу, заставив его тело дрожать.

Сирил посмотрел на него, затем позвал:

— Джеффри.

Не слишком глупый напарник мгновенно встал, сглотнув:

— Я!

— Мне нужно поговорить с Маркасом наедине. Ты можешь...

— Я сейчас же выйду! — Хотя перебивать этого господина было страшно, он больше не мог оставаться здесь и, сказав это, бросился к двери и выбежал.

— Нам не о чем говорить! — закричал Маркас, когда дверь закрылась. Он яростно вытер слезы.

Сирил медленно отхлебнул кофе, поставил чашку и смотрел, как тот плачет.

От его равнодушных действий Маркас чувствовал невероятную неловкость. Он чувствовал себя уязвимым от того, что эти глаза смотрели на него, пока он плакал, но слезы не могли остановиться. Те безжалостные обвинения, смешанные с обидой, которую он чувствовал из-за того, что его бросили, заставляли его плакать все сильнее.

Он когда-то зависел от него как от наставника, почти считал его своим единственным светом, но его действия были ударом, который разбивал все надежды, показывая, что он может полагаться только на себя. Но он же мог устроить церемонию совершеннолетия для той женщины, Кейн, мог быть рядом с ней столько времени, почему же он не хочет даже взглянуть на него? После того как он оставил его с госпожой Сапфир, он даже не дал никаких вестей.

Кто бы мог подумать, что, внезапно услышав его голос, он почувствовал не радость, а неловкость. Как будто ледяная вода окатила его с головы до ног, заставляя дрожать.

Сирил наконец понял, что для эмоционально сломленного медвежонка пол не имеет значения, и этот все усиливающийся плач ничем не отличался.

— Вытри слезы, — Сирил слегка вздохнул. — Маркас, ты уже вырос...

Его голос оборвался. Медвежонок бросился к нему.

Не совсем бросился, просто подошел ближе, одной рукой крепко схватив его одежду, другой прикрывая глаза, все еще боясь, что слезы упадут на его костюм. Но слишком много слез текло сквозь пальцы.

— Ты можешь хотеть ту женщину, почему не можешь хотеть меня? — низко опустив голову, он плакал так сильно, что голос дрожал. — Я лучше нее!

Сирил колебался, глядя на него. Через некоторое время он осторожно — действительно осторожно — положил руку на его голову и слегка погладил. Ощущение было странным.

Да, двое детей, кого он ценил больше? В то время на «Богине Охоты» Сент-Лантон полностью его раскусил. Сент-Лантон сказал, что он потратил больше времени и сил на мисс Кейн, но был слишком холоден к ней, даже если она сама шагнет в пропасть, он останется безучастным. Он сказал, что эмоционально он ближе к Маркасу, но он был слишком снисходителен к нему, его требования к нему были даже меньше, чем к Авроре.

Почему?

Возможно, даже он сам не мог этого объяснить. Но он действительно подготовил для Маркаса так много, почему он не отдал это ему? Когда он сам предложил последовать за госпожой Сапфир, почему он с таким облегчением отпустил его одного? Вдали от Италии так долго, почему он подсознательно был так спокоен, что даже наблюдение оставил на подчиненных?

— Я буду наблюдать за тобой, всегда наблюдать, так что ты должен идти вперед, — тихо сказал Сирил. — ... Не плачь.

Он вспомнил тот закат на площади во Флоренции, его любимая девушка присела, спрятав лицо в руках, не поднимая его, слезы текли, и она говорила: «Сейчас я ужасна, не смотрите на меня».

*

Медвежонок очнулся, вспомнив, как он плакал в чьих-то объятиях, и почувствовал, что его мировоззрение рушится. Он почти побежал, исчезнув из комнаты — Сирил, глядя на с хлопком закрывшуюся дверь, слегка усмехнулся.

Но ощущение... действительно было другим.

Сирил долго размышлял, затем надел маску, взял черный пиджак, пропитанный слезами, который он снял ранее. Открыл дверь, достал сирень из плетеной корзины, повесил ее на дверь, закрыл ее и приготовился покинуть Парящий павильон.

Сделав несколько шагов, он услышал едва уловимый щелчок, и весь мир на мгновение стал темным.

Все огни погасли мгновенно, без предупреждения.

Он был в глубине коридора, с обеих сторон были закрытые комнаты, лунный свет не проникал внутрь, и после исчезновения освещения в поле зрения не осталось ни одного источника света. Сирил постоял в темноте некоторое время, даже звук своего сердцебиения был отчетливо слышен, руки крепко сжались в кулаки.

— Убирайся, — вдруг холодно произнес он.

Ни звука не было слышно, не чувствовалось никакого присутствия, но он просто так, внезапно, с отвращением произнес это слово.

Долгая тишина, затем в темноте раздался четкий голос, очень мягкий, очень приятный, как звук органа в пустыне, но усталый, безразличный, с глубоко укоренившейся гордостью, которая даже в грязи не потеряет ни капли своего достоинства:

— Если бы вы не заговорили, возможно, я бы просто немного посмотрел и ушел.

До того как этот человек заговорил, он стоял в каком-то углу пространства, но Сирил не смог обнаружить его присутствия!

От сильного напряжения мышцы Сирила были натянуты до предела, вызывая невероятную усталость, но он не мог позволить себе расслабиться. Решив, что стоять на месте долго не стоит, он медленно протянул руку к ближайшей стене.

— Куда вы направляетесь? — спросил голос.

Даже с вежливым обращением в устах этого незнакомца оно не звучало почтительно. Такая манера, будто бы даже самое великое явление перед ним могло быть встречено с пренебрежением. Слова «Куда вы направляетесь?» в его устах звучали как «Куда ты можешь пойти?»

Еще один момент неловкого молчания.

— Я всегда считал, что для вас одна и та же ошибка не должна повторяться, — легкие и

уверенные шаги приближались. Голос звучал с безразличной улыбкой, но в ней скрывалась глубоко подавленная эмоция, похожая на ненависть, но также на сдержанность. — Почему вы снова пришли сюда?

<http://bllate.org/book/17714/1655208>